

Паганини Никколо
(конкурс скрипачей)
Россия. - 2003. - 9 Дек. - с. 7

Борьба туров с барсом

Беседовал
Ян Смирницкий

Автор всеми любимых полонезов, дипломат и политический деятель Михал Огинский однажды отозвался о скрипке емко и точно: «Это неблагодарный инструмент, не выносящий посредственности!» В Москве же завершился на днях Первый конкурс скрипачей имени Никколо Паганини, жюри которого возглавил умный и талантливый музыкант Сергей Стадлер.

Композиторы

— Каково ваше ощущение от сегодняшнего музыкального времени?

— Не во времени, а, скорее, в безвременье живем! Ценностные ориентиры остаются прежними в том смысле, что как слушали Баха, Бетховена, Моцарта, скажем, сто лет назад, так и продолжают их слушать. И почти не воспринимают современных композиторов. Помню, маленьким слушал в Ленинграде премьеру Четырнадцатой симфонии Шостаковича (1969 год). Но какой интерес, буквально ажиотаж у публики она вызывала! А сейчас? Сейчас, правда, и нет композитора, творящего на уровне Шостаковича... Время сейчас неблагодарное для композиторов...

— Вы знаете, иногда печаль посещает, когда, допустим, Башмет исполняет какую-либо вещь Гии Канчели или Альфреда Шнитке, специально для него написанную. Будто нарочно посвящали, чтобы хоть иногда звучали в концертах их имена.

— Так сейчас еще хуже стало. Вы знаете, что по всему миру звукозаписывающие фирмы (те их подразделения, что занимаются классикой) терпят крах? И контрактов крупных давно уж нет. 99% того, что мы играем, давно всем известно. Поэтому интересно в большей сте-

пени не *что* играется, а как играется.

— Но композиторы есть! Они пишут!

— Пишут. В стол. Нет, они пишут то, что считают нужным, пишут то, что могут, но это очень резко расходится с тем, что люди хотели бы слышать.

— А София Губайдулина? — Она очень хороший композитор. Но поймите же, Верди принес песенку Герцога из последнего акта «Риголетто» только лишь на генеральную репетицию (1851 год), потому что понимал, что, принеси он ее на день раньше, песню запоет вся Италия и премьера сорвется. Ну напойте мне что-нибудь из Губайдулиной, давайте! Вот. Все эти премьеры носят информативно-образовательный характер, они не трогают сердца людей.

— Для вас современные композиторы, вероятно, тоже писали?

— Да. Родион Щедрин, Сергей Слонимский, Вадим Салманов, Юрий Ищенко посвящали мне и концерты, и сонаты, и пьесы для скрипки соло. Сейчас музыка перестала быть самостоятельным произведением, к которому тянулись бы люди. Под музыку кто-то ест, кто-то едет в транспорте, люди перестали жить в тишине. Раньше, чтобы услышать музыку, вам надо было либо заказать музыкантов на дом, либо поехать в театр или в кабаре, но что-то сделать! Сейчас ничего не надо: нажал кнопку — и оттуда полилось... Важен только фон, люди задавлены попсой, 90% которой вообще не может называться музыкой. Все это разрушает музыкальную культуру, восстановить же ее будет не так просто. Нет, я уверен, что этот поповый коммерческий вал очень скоро перевернется. И тогда мы узнаем, что современные композиторы писали в стол.

Критики

— Критика? Человек должен иметь право на критику.

Представьте, что вы со страниц газеты, у которой тираж сотни тысяч, излагаете свое частное мнение. Это ведь страшно ответственное дело!

— Мне ближе понятие не критики, но пропаганды.

— Это совсем другое дело. А здесь-то очень важен моральный вопрос. Вопрос, который

в нашей стране начисто забыт! Когда какой-нибудь недоучившийся невежда приходил к Светланову и спрашивал его: «А не кажется ли вам, что на последнем концерте были слишком резки тромбоны?» По счастью, сегодня нет критики. Это ужасно, если бы от нее что-то зависело! А так

было лет 50–60 назад. Тогда заказная статья могла убить человека, да, собственно, для этого и писалась.

— Сегодня не убьет?

— Нет. Сегодня критики никакими «умами и думами» не владеют. Пишут себе что-то там, их никто и не замечает. Напрасно Ростропович оби-

жается, когда его мешают с грязью. Все равно эти статейки носят этаким информативно-рекламный характер, и ничего более.

Дирижеры

— Вы согласны с тем, что дирижер — это профессия второй половины жизни?

— Да. Потому что человек должен иметь моральное право воздвигнуться перед ста оркестрантами, которые учились по 15–18 лет, и сказать им: «Ну, играйте!» А сейчас часто бывает по-другому: будущих дирижеров привлекают жажда денег и жажда власти. Это главные двигатели к стремлению «Я хочу быть дирижером!». Да с тем, что ты можешь, тебя в этот оркестр и на второй кларнет не взяли бы! Эта профессия требует невероятных эмоциональных вложений, трудная профессия.

— Ее великих представителей становится все меньше?

— Был грандиозный всплеск первой половины XX века: Фуртванглер, Госканини, Мравинский... Потом их ряды поредели. Великие дирижеры умирают, а им на смену новые великие не приходят. Я не знаю, чем это объяснить. Вероятно, эти процессы не очень зависят от людей.

— Как профессия дирижера будет меняться дальше?

— Она уже меняется. Пришло очень много дирижирующих солистов.

— Вы, например...

— Например, я. Другие имена у всех на слуху. И так не только в России — по всему миру. Я понимаю, почему это происходит. Оркестру все-таки приятнее видеть перед собой большого солиста, который вчера играл, скажем, концерт Рахманинова, нежели человека с горящими глазами, обуреваемого непомерным желанием славы. Оркестр, скорее, будет на стороне беспомощного, но своего, чем честолюбца, но с характером. Они ведь, как звери в джунглях, сразу чуют, кто настоящий, а кто нет. Втайне оркестр безумно любит настоящих дирижеров, уважает их, хотя часто с ними борется. Как в грузинской поговорке: стая туров под предводительством барса сильнее стаи барсов под предводительством тура.